

ОДИНОЧЕСТВО

В статье представлен философский анализ одиночества как способа выделенности человека в мире и отделенности человека от мира. Используются идеи Э. Левинаса и М. Хайдеггера, а также методология различения абстрактно- и конкретно-всеобщего.

Ключевые слова: *одиночество, формы общения, субъект, свобода, заброшенность.*

У статті подано філософський аналіз самотності як способу виділеності людини в світі і відокремленості людини від світу. Використовуються ідеї Е. Левінаса і М. Гайдеггера, а також методологія розрізнення абстрактно- і конкретно-загального.

Ключові слова: *самотність, форми спілкування, суб'єкт, свобода, занедбаність.*

The article offers a philosophical analysis of the problem of loneliness as a method of man's prominence in the world and his/her apartness from the world. The ideas of E. Levinas and M. Heidegger are used, as well as the methodology of distinction abstract-universal and concrete universal.

Key words: *loneliness, forms of communication, subject, freedom, abandonment.*

Одиночество – это образ и форма жизни, которая вбирает в себя выделенность человека в мире и отделенность человека от самого мира. Как форма жизни, одиночество предполагает существование одинокого человека – его желание и умение, вольное или невольное, быть одному, или бытие одного. Но это бытие одного предполагает и одиночество как форму жизни, в которую человек добровольно или насильственно входит или из которой выходит. Абсолютное, раздельное существование одиночества и одинокого человека – это чисто теоретическая абстракция. Но как понятия, связанные с реальностью, они взаимообусловлены и перетекают друг в друга. Поэтому одиночество как отделение человека от мира, вплоть до противопоставления миру, может осуществляться в бесконечных состояниях изолированности, разорванности человеческих связей, опустошенности души, покинутости, заброшенности и т.д. Одиночество может рассеиваться в многообразных переживаниях страха и тоски, ожидания своей собственной смерти, абсурдности жизни, возможной потери смысла жизни. Одиночество не всегда связано с уходом из общности, семьи, например, или изгнанием из нее.

Одиночество может возникать в момент насильственного вхождения в какую-либо новую общность. Например, при переходе из семьи в производственный или армейский коллектив. Одиночество возникает тогда, когда старые связи общения потеряны, а новые не возникли. Одиночество здесь теряет свою предметность в многообразии переживаний и состояний, свою самостоятельность и автономность. Одиночество в этом смысле ничего не создает, не творит, не производит. Оно – результат распада, ухода, изоляции, отделённости, выделенности.

Произошло какое-то событие, качественное преобразование (в семье, в стране... в мирное или военное время), и в итоге образовалось новое существование, которое оказалось противопоставленным миру. Здесь можно говорить об одиночестве семьи в обществе или в стране, если мы признаем одиночество не только членов семей, точнее, людей, живущих в семье, но и самой семьи. Можно говорить об одиночестве народа или страны. А также о человечестве в целом в мире бесконечной вселенной. Можно помыслить «одинокое Бога» (единственного) творящего для себя «одинокое человека». В таком негативном описании одиночества неявно дана такая характеристика человеческого бытия, которая больше унижает и оскорбляет человека, чем возвышает.

Действительно, одиночество психологически чаще связывают с миром униженных и оскорбленных, покинутых и заброшенных, живущих «на дне», чем с миром гордых и героических людей – аристократов по духу, которые отделены от мира тем, что они – над миром. Они преодолели тоскливый мир обывателей-одиночек. Даже переживая свое одиночество в форме страданий, боли, они делают это по-своему – гордо и независимо. Они ведь учителя и пророки. Их страдания связаны с тем, что их не понимают, что у них не способны учиться другие. Возвышенному типу одиночества свойственны особые характеристики: уединенность, собранность, сосредоточенность, способность добровольно идти по пути самопожертвования до конца, а не быть пассивной жертвой обстоятельств.

Одинокими все выдающиеся личности, гении. Создать нечто новое и великое для общества – это значит оторваться от общества, противопоставить себя ему. Признание прекрасно. Но неизвестно, кто в более трагичной ситуации: одиночка-гений или масса общества. В другом варианте: сверхличность или личность специалиста. Мудрец или человек толпы.

Двойственность одиночества представлена в языке фольклора. У Владимира Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» мы читаем: «один в поле не воин», «один хлеба не съешь». Здесь преобладает негативная характеристика одиночества.

Положительная сторона представлена в поговорках «тот и господин, кто все может сделать один», «один как солнце, как месяц на небе». Больше многозначности и неопределенности мы видим в афоризмах «одна голова и смеется, и плачет», «одинокому – хоть утопиться, а женатому хоть удавиться», «стоять всем за одного и одному за всех».

Итак, одиночество связывают с ситуацией, где человек – жертва обстоятельств, он забит и заброшен в ситуацию безволия и отчаяния. Но одиночество существует и там, где активность и самостоятельность человека доведена до предела. Он не просто вне мира, он над миром как самодостаточное существо. И если он не творит мир, то, по крайней мере, учит жить в этом мире тех, кто в своем одиночестве не добился успеха в жизни, оказался несчастным человеком. В этих двух полюсах одиночество приобретает форму самостоятельности и автономности, живет по своим собственным законам.

В этом мире все одиноки, только в разной мере. А мир общества, общностей, коллективов, мир общения не противостоит одиночеству, а является условием его возникновения и существования. Семья, например, нужна для того, чтобы одинокому в ней было комфортно. Семья здесь – средство выживания одиноких людей.

Любая форма общения людей – это не преодоление одиночества, избегание и ускользание от него вообще, а условие перехода в новые формы одиночества, поиск своего единственного места в пространстве общения и труда, в котором он достиг бы своей полной уникальности, замкнутой в себе бесконечности, был бы единственным человеком в мире – таким, а не иным. Больше нигде и никем неповторимым. И вот после этого (по сути, а не по времени) такой единственный и независимый человек мог бы понравиться окружающим людям, миру общностей. В нем есть то, чего больше никто не имеет. Но все это «то» взято из целостного мира, и значит мир, уже нецелостный и неполный, в этом нуждается. Мир нуждается в самостоятельных одиноких людях. Они в одиночестве не одиноки. Достаточно ли для этого уединенности? – Субъектности человека? А приобретают эту силу в особом месте, в особых формах общения и т.д.

Вопрос стоит так: как войти в ситуацию одиночества самостоятельно и свободно и развиваться в ней по-прежнему самостоятельно и свободно. И далее выйти из нее, не теряя своей самостоятельности. Более того, как делить это не одному, а совместно с другими, помогая друг другу. Правда, такой подход к одиночеству представляется противоречивым... Разве может человек находиться в одиночестве, совместно с кем-то сосуществовая? Тем более что принято помогать уходу из ситуации одиночества, а не вхождению в нее.

О подобной неопределенно противоречивой ситуации писал Мартин Хайдеггер: «Одиночество присутствия есть тоже событие в мире. *Не хватать* другого может только в событии и для него. Одиночество есть дефективный модус со-бытия, его возможность – доказательство последнего. Фактическое одиночество с другой стороны снимается не тем, что «рядом» со мной случился второй экземпляр человека или, возможно, десять таких. Даже если их имеется и еще больше налицо, присутствие может быть одиноким» [1, с. 144].

Здесь может возникнуть вопрос: как бытие одиночества воспроизводит внутри себя совместное бытие, те или иные формы общности общения, себя полагая как самоцель, а все остальное превращая в средства.

В реальной жизни у людей есть особое чувство переживания одиночества. Есть также представление об одиночестве: оставленном, заброшенном, опустошенном униженным, мертвом... Гордом, аристократическим, великом, гениальном. Есть одиночество как изоляция, отчуждение, ограничение... Как уединенность, собранность в себе, самоцелеустремленность. Есть уровни или сферы одиночества: одиночество человека с неорганической природой, с человеком – как удвоенным одиночеством, с идеей, – наедине с идеей человек существует, и больше никого и ничего нет. И, наконец, одиночество богов, человеческого мира, цивилизаций. Все это антропологические и психологические стороны, свойства, характеристики одиночества.

Но есть ли одиночество как таковое, само по себе существующее, независимое от человека и его представления? Бытийное одиночество? Речь идет об истине одиночества, которое всегда есть и которое мы открываем как нечто независимое от нас. Как особое место, локус, в который мы попадаем, или в котором мы присутствуем в той или иной мере. Есть, например, онтология законов физики. В той мере, в какой наше «я», наша душа связана с телом, в такой мере мы прикасаемся к закону притяжения, входим в место его действия. Хотя законы физики ничего не могут нам сказать о нравственности или безнравственности нашего поведения. Есть онтология (бытие) смерти, хотя смерть мы можем только ожидать и переживать это ожидание. Сам факт смерти как граница-связь перехода от нечто к ничто нами не ощущается. Все уходит в бесконечность, даже факт смерти «другого» тела и души, я – мыслю, я – тело.

Как быть с бытием одиночества? Французский философ Эммануэль Левинас (1906-1995 гг.) определяет одиночество как «нерасторжимое единство существующего и его акта-существования, которое не зависит от какой-либо пред-положенности другого... Одиночество есть единство существующего, – то обстоятельство, что

есть нечто в акте-существования, из чего получается существование. Субъект одинок, так как он нечто одно. Одинокчество необходимо для свободы начала, для власти существующего над актом-существования, иначе говоря, для того, чтобы существующий вообще был» [2, с. 41].

Это определение можно охарактеризовать как контекстуальное. В описании и объяснении одинокчества используются понятия власти, свободы, акта-существования как действия, «глагола» вообще, как «безличного «поля сил» акта-существования, существующего как некоего субъекта, а также – сущего, существа, личности [там же, с. 32]. Чтобы искать истину одинокчества в сфере бытия, мы должны рассмотреть его как бытие безличное, анонимное, по ту сторону «человеческого в человеке», нейтральное по отношению к конкретному человеку с его чувством желания власти и свободы. Главное здесь действие (акт-существование), которое первоначально отрицательно по отношению к реальности, в которой все и многие взаимосвязаны в какой-то мере. Не обязательно взаимосвязаны в единство или все друг с другом. Важно, что есть какая-то «мера» взаимосвязи (пусть по принципу «языковых игр» Витгенштейна), и она требует своего отрицания. После этого отрицания до конца одинокчество может превратиться в «ничто».

Но мысль Левинаса сопротивляется определению одинокчества через ничто. «... Мы выдвигаем понятие бытия «без ничто», без какой бы то ни было лазейки. Ничто невозможно, и потому самоубийство – это последняя возможность овладеть бытием – не может осуществиться» [там же, с. 35]. Ничто может определяться относительно нечто как хаос, отсутствие порядка, закона и как отсутствие нечто. Но отрицательное определение одинокчества через отрицание положительных сторон его не означает, что одинокчество лежит где-то в одном месте бытия, на дне его, и ждет отрицания – уменьшения себя до бесконечно малой величины. Одинокчество может находиться где угодно в любом месте пространства и времени. Одинокчество существует везде, и нигде не может быть неподвижным. В «какой-то мере» оно всех касается и всех захватывает в свои сети, частично или полностью.

Время, на которое одинокчество захватывает субъекта, относительно. В какой-то мере, может и на всю жизнь. То есть если одинокчество в каком-то месте бытия для человека исчезнет, то в другом месте рождается. Происходит своего рода игра сущего с бытием, субъекта с миром бытия одинокществ. Кто кого. Не нужно забывать, что Э. Левинас не просто ищет одинокчество с заранее заданными свойствами. Это бытие одинокчества должно вмещать все возможные виды и формы одинокществ: гордое и независимое, мужественное и терпеливое, одинокчество унижения и отчаяния.

Поэтому бытие одиночества Левинаса не единое, не сплошное, а множественное [см. там же, с. 26]. Отсюда следует по замыслу Левинаса, так мы думаем, что действие-акт существования может быть всегда прервано существующим. Существование одинокого как субъекта уже молчаливо подразумевается. Это просто другая активная сторона одиночества.

И вопрос не в том, откуда оно взялось в качестве субъекта, а в том, как оно соединяется с одиночеством как формой. Одинокий субъект без одиночества в действии бытия – чистая абстракция. Верно и обратное. В теории мы их разделили, а потом с объяснениями и оправданиями соединяем. Но одиночество реально тогда, когда одинокий обладает властью только над своими собственными действиями и неотделим от них. У него больше ничего нет. Он один властвует над собой, над своими действиями по разрыву связей (нитей) [там же, с. 38] в данный момент, в настоящее время. Это остановка движения в потоке вечного времени, это выделение границ и связей между чем-то. Обрывание нитей и завязывание их в новый узел. Субъект всегда между чем-то зажат (в тисках фрустрации). Главное, что здесь нет власти над чем-то другим, внешним, власть только над своими действиями. Пусть даже в сфере иллюзий. А зачем нужна власть над своим актом или действием существования?

Ответ у Левинаса дан. Власть, господство над своим актом, над тем, что есть у него, переход границы между собой и тем, что имеется «у себя», есть и условие свободы, и выражение свободы. Самое интересное это то, что это не свобода выбора между чем-то, а свобода ничто. То есть одиночество и ничто свободы неотделимы друг от друга. Где может достигнуть легкомысленной и произвольной свободы человек? В пространстве власти над своими действиями. Конечно, не все можно приказать себе и выполнить. Например, трудно выполнить приказ самому себе – мысли самостоятельно!

Приказывать другому в такой форме вообще бессмысленно. Но эти приказы, реализовывая власть над своими действиями, возможны только в условиях одиночества. Уединения, по крайней мере, нужно добиться. Это похоже на уединенность верующего, который обращается с молитвой к Богу. В одиночестве в большей мере дано слово «я» и в свободной форме. Но такое одиночество, в высшей форме – уединенность – хрупко и неустойчиво. Не случайно аристократическая уединенность приобретает формы упрямства и тупости. Власть под собой есть чужая, а свободы вообще нет.

Но через власть и свободу окончательно доказывается то, что нечто существующее есть. Есть нечто отдельное, свободное, властвующее и, следовательно, в какой-то мере одинокое, способное к творчеству дальше, за пределами своего «я». В итоге одиночество – не причина свободы и творчества, а условие. Исходное условие дано в

том бытии, которое мы понимаем благодаря своему творчеству и одиночеству. А когда мы плачем по поводу одиночества покинутых и униженных, то мы плачем по поводу отсутствия творчества в самой форме одиночества, исчезновения всеобщего характера творчества, самостоятельности, свободы, смены форм власти и т.д. А истину одиночества нужно искать так же, как истину свободы, власти, смерти. Эта истина в реальной жизни всегда противоречива или, по крайней мере, неопределённая. Реально люди идут и к свободе и к смерти – бессмертию, к власти и к сопротивлению ей, к ускользанию от одиночества и стремятся к уединенности, к условиям высшей концентрированности своих сил, способностей. Чтобы самому и только самому справиться с трудностями без агрессии. Не случайно Левинас приводит великий парадокс: «Свободное существо несвободно уже тем самым, что ответственно за себя» [там же, с. 44].

Известно, что всеобщее понимается в философии и логике двояко. Различается абстрактно-всеобщее – это признак, который одинаково может быть присущ разным предметам. Например, движение присуще и электрону, и поезду, и летящей бабочке. И различается конкретно-всеобщее – оно выражается в законе взаимосвязи разных элементов, в том числе и противоположных, в составе некоего целого. Например, есть связь разных и противоположных людей в составе семьи, в работающей фирме (связь предпринимателей и наемной рабочей силы).

Единичное – это нечто неповторимое в пространстве и времени, т.е. уникальное. Единичным может быть тело человека, его личность, его разрез глаз, цвет кожи и т.д. Если все это соединяется в отдельном индивидууме, то такое соединение тоже будет единичным и уникальным. В силу какого-то нам неизвестного закона.

Это единичное будет выражением конкретной всеобщности, хотя закон взаимосвязи, единства нам необязательно не раскрыт в данный момент. Этот закон – «вещь-в-себе». Но когда мы отдельный предмет рассматриваем внешним образом, без раскрытия его внутренней взаимосвязи, и делаем его представителем любого другого предмета по какому-то признаку, то единичное будет абстрактно-всеобщим. Например, всех людей я буду отождествлять по признаку разумности, или свободы воли, или по чувству страха и т.д.

Признак «я мыслю» или «я обладаю телом», можно отнести к каждому человеку и соединить с неизвестной мне внутренней конкретной взаимосвязью как «вещью-в-себе». И это соединение происходит в реальной жизни, и оно уникально. Но непознаваемо для самого себя. Но мы знаем, что в реальной жизни каждый индивид неповторим. Он единичен. И в силу этого соединения всеобщего, но абстрактного признака с неизвестной сущностью, «вещью-в-себе», он одинок. По внешнему признаку мы едины, а по сути – изолированы.

Подобного человека нет, мы его не знаем и сознательно он не воспроизводим. А если и воспроизводим, то как любая вещь, а не как человек. Мера этого одиночества нас не интересует, важно, что его одиночество есть, что каждый человек одинок. Но если каждый человек одинок, то как одинокого (по признаку одиночества) я могу рассматривать любого человека. Каждый представляет каждого, но абстрактно. Поэтому мы можем рассматривать одиночество отдельного человека, распространяя это понятие на любого другого отдельного человека.

Такую же логическую операцию я могу проводить с понятиями «свобода», «вера», «разум», «любовь», «чувство стыда» и т.д. Вот я выделил «Я мыслю», всех объединил под крылом данной абстракции, но ее соединение со всеми другими признаками осталось «вещью-в-себе». Как я могу общаться с другими? Можно, используя шутку Бергсона, определить реальную уникальность человека с другого конца – понятия «смеха»: я смеюсь, следовательно, существую. Ведь человек, и только человек, смеется. И каждый человек смеется. И мир, главным образом, состоит из смеющихся индивидуумов. Жизнь – это праздник.

Подобный подход, когда один человек представляет любого другого человека, индивид как субъект любого другого индивидуума-субъекта, типичен для историко-философской традиции, ориентированной на абсолютизацию субъективного начала в познании истины. А в этом субъективном начале всегда есть спрятанная «вещь-в-себе». Протагор (V – VI вв. до н. э.) утверждал, что «человек есть мера всех вещей». Какой человек? – В нашем случае – одинокий? – Находящийся в состоянии одиночества? – Ответ: и тот, и другой. Дж. Беркли реальность познаваемых вещей ставил в зависимость от воспринимающего сознания индивидуума. Существовать – значит быть воспринимаемым. Для Декарта весь мир познаваемого заключен в познании: «Я мыслю». И к открытию этой самоочевидной истины может придти каждый. Ее нужно только открыть как прирожденную нам «врожденную идею».

Для феноменологии Гуссерля характерен методологический солипсизм. И для этого есть основания. Ведь он занят поиском объективной и абсолютной истины внутри сознания отдельного индивидуума, внутри его «одиноким душевной жизни». Условием и результатом этого подхода, «исток и устье» такого движения мысли, как говорили древние китайцы, является то, что смысл жизни, идеалы жизни, то, ради чего живут люди, нужно искать в жизни каждого отдельного человека. Они есть, и они присущи каждому человеку. Если нет, то это говорит о том, что рост сознательности сознания одних отстает от роста сознательности других.

Например, не все еще доросли до понимания, что идеал «свободы» каждого важнее идеала «счастья» для каждого. А чтобы доросли все, нужно просто человека перевоспитать. А потом уже перевоспитанный воспитатель будет правильно воспитывать каждого человека от рождения до смерти.

Итак, каждый уникален и одинок, каждый представляет каждого. Одиночество присуще каждому, оно уникально, но, несмотря на эту уникальность, у них есть общее – одиночество. И это реальность. А если одинокий человек есть, то ему присуще одиночество, будь то свойство, признак, идея, переживание, мысль или чувство. Что-то поднимется или всплывет из внутренней жизни человека как «вещи-в-себе». Возможно, из множества внутренних «я». Одинокий человек (существующий) находится в единстве с реализацией своей способности (возможности, свойства, признака, чувства) быть одиноким. Ведь в реальной жизни каждый человек хаос каким то образом превращает в космос. Творит или участвует в творчестве.

Одиночество как факт и как образ жизни совместно с одиноким человеком (каждым) и позволяет говорить о реальности одиночества с точки зрения всеобщего. Все одиноки. Неважно, что первично – одинокий уникальный человек или переживание одиночества, присущее каждому. Исследование всеобщего, – отдельный вопрос. Важно, чтобы в уникальности каждого, следовательно, одинокого, сохранилось два понимания всеобщего: абстрактно-всеобщее и конкретно-всеобщее.

Но всеобщность одиночества нужно довести до конца. Каким образом в одиночестве соединяются две противоположные нравственные характеристики одиночества: одиночество униженного и гордого, зависимого и независимого человека? Далее. В нашем повседневном сознании, хотим мы это или нет, в значение одиночества вкладывается не научное содержание смысла этого слова, безразличное к мерам соединения абстрактных переживаний, а нравственное. Связано оно с покинутостью, заброшенностью, униженностью, с одной стороны, и с самолюбованием, самовыражением, самоутверждением, самореализацией – с другой. Все формы «само» замыкаются на «самого себя».

Здесь особым образом выделяются такие чувства-эмоции внутри одиночества, как гордость и гордыня. Достаточно выделить эти два полюса чувств, эмоций, поступков в сфере одиночества, как можно увидеть неоднозначную характеристику одиночества с точки зрения морали. Одиночество, как и одинокий человек, не может быть только нравственным или безнравственным явлением. Но даже мужественное и самоотверженное, возникающее в этом случае одиночество – это ответ-реакция на нравственную негативность значения одиночества. В

любом случае, – если нельзя избежать одиночества, то нужно научиться входить в него, жить в нем и преодолевать его. И, если нужно, защищаться от него. Ведь содержание его изменчиво.

Это в теории мы можем ясно и четко разделять и соединять, проводить границы и устанавливать связи между гордостью и гордыней – по определению... Но в действительной жизни человек может обладать тем и другим качеством или свойством бытия одиночества. И таких отношений перекрещивания, таких перекрестков у человека может быть множество, в идеале – бесконечное количество раз. А готового и всеобщего алгоритма для выхода на ясный перекресток нет. Все «самоиндивидуально».

Но чтобы решать каждому проблемы одиночества на свой страх и риск, не боясь остаться внутри одиночества, нужна какая-то всеобщая цель, идеал, какое-то благо. И стремясь к этому благу, мы можем преодолевать свое собственное одиночество, одиночество вдвоем, одиночество семьи и, в итоге, одиночество любой общности и цивилизации.

Но здесь возникают возражения. Как всеобщим благом или идеалом может стать то, что благом не является, что не может вступить в конкурентную и предметную борьбу за благо в сфере теоретических и практических исследований? Конкуренция между «счастьем» и «свободой» допустима и понятна. Они могут быть благом-целью и благом-средством. А одиночество? Разве не называют одиночество массовым заболеванием XX и XXI веков, от которого надо освободиться? И если есть зло в истории, то разве не потому, что историей пытались править одиночки? Одиночки, одинокие люди со своим собственным одиночеством пытались править миром, подгоняя под свой масштаб одиноких людей во всем мире. Ведь благом может быть только общность-общение (интерсубъективность, или интеракция). Все то, что преодолевает субъективизм, индивидуализм и эгоизм.

И как понять всеобщую реальность отношений между зависимым и независимым одиночеством, между одиночеством (изоляция) и общностью (общением, сообщением друг другу) одиноких и изолированных людей? Или между одиноким робинзоном и одиноким человеком в толпе, между одиноким в семье и одиноко сидящим человеком перед компьютером или телевизором? Как найти одинокого человека, одиночество вообще и отношение между ними как всеобщее, которому присуща реальность? Причем истинная реальность, а не аномалия. И на практике и в высотах научной теории.

У Канта всеобщим выражением реальности, не пускающего в себя только робинзона, может быть «трансцендентальное единство апперцепций», т.е. «я» (вещь в себе). И оно представляет собой и отдельного человека, и человечество в целом, только ориентированное на научное познание в рамках логики физики Ньютона, астрономии

Коперника. «Я» у Канта представляет также и научное сообщество в целом. «Я» у Декарта представляет и каждого человека-исследователя природы, и верующего в Бога. Только это «я» Декарт принимает не только на веру, что оно центр всего разумного познания мира. Он свои самоочевидные истины обосновывает и оправдывает. И у Декарта, и у Канта как только образуется одинокое, «я» оно сразу преодолевается. «Я», направленное на природу, на самое себя и на Бога, это все-таки разные «Я» у Декарта. «Я» у Канта имеет трансцендентальный характер, в итоге – «вещь в себе». А из последнего образуется «Я», направленное на действия практического разума (морали и нравственности) и на Бога, – для оправдания такого морального «Я».

Одиноким и единственным субъектом, человек-философ, постоянно переходит из одних форм общения и одиночества в другие исторические формы. В этом путешествии он не может найти готовую и абсолютную истину одиночества, поэтому и не может остановиться в ее поиске. Но в этом движении он приобретает опыт «вхождения и выхождения» из одиночества посредством общения с другими людьми.

Конечно, человеку хочется побыть одному, быть одному. Но главное заключается в том, что он учится быть одиноким, быть наедине с самим собой, сохраняя свою самостоятельность, способность к творчеству, саморазвитию или «уединенному труду души» [3, с. 171-178]. Благодаря этой сохранившейся способности человек или включается в уже существующий мир общения, или участвует в создании нового мира общения. В любом случае, истина одиночества требует «возвращения» в мир общения.

Использованная литература

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков, 2003. – 508 с.
2. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб, 1998. – 265 с.
3. Понятие «уединенный труд души» как форма саморазвития личности требует отдельного анализа. Об этом смотреть: Суворов А.В. Экспериментальная философия / А.В. Суворов. – М., 1998. – 242 с.

Статья поступила в редакцию 21.03.2014 г.